

Д. И. Писарев

Прогулка по садам российской словесности

Д. И. Писарев. Литературная критика в трех томах

Том второй

Статьи 1864-1865 гг.

Л., "Художественная литература", 1981

Составление, подготовка текста и примечания Ю. С. Сорокина

OCR Бычков М.Н.

I

В прошлом году умер последний крупный представитель русского идеализма. Друзья и сотрудники покойника превознесли его похвалами, которым я нисколько не намерен противоречить. Возвеличивая отдельную личность, эти похвалы убивают наповал тот принцип, за который эта личность сражалась. Читатель, быть может, уже догадался, что я говорю об Аполлоне Григорьеве, умершем в половине прошедшего года и воспетом в "Эпохе" гг. Страховым и Достоевским¹. В своих "Воспоминаниях об А. А. Григорьеве" г. Страхов говорит об умершем деятеле почти с благоговением; он называет его своим учителем, говорит, что Григорьев был "зрячее и чутче других", что Григорьев имел полное право принимать в журнале "тон человека, власть имущего", что письма Григорьева читались в редакции "Времени" "вслух для общего назидания", что сочинения Григорьева, собранные в полном издании, "представят целые громады мыслей", дадут "неистощимую пищу", и так далее, и так далее. Кроме того, в той же статье г. Страхова рассыпано множество похвал искренности Григорьева, и в этом последнем свойстве покойного идеалиста действительно не могут усомниться ни друзья его, ни враги. Читая все эти похвалы, я улыбаюсь, потираю себе руки и говорю про себя: прекрасно! превосходно! Хвалите больше, господа! Чем выше вы поднимете личность Григорьева, тем глубже и безвозвратнее вы зароете в могилу все ваше литературное направление. - Статья г. Страхова есть некоторым образом литературное самоубийство. Рассмотреть ее с этой стороны будет очень любопытно и увеселительно, потому что этой статьей посягает на свою убогую жизнь не только целый журнал, но даже целый строй понятий, весь тот строй, который, прикрываясь различными фирмами и вывесками, старается задушить и истребить все проявления нашего новорожденного реализма. В самом деле, если Григорьев "был человек, власть имущий", если он был "зрячее и чутче других", если эти другие, тотчас после его смерти, находят необходимым печатать - вероятно, "для всеобщего назидания" - частную переписку покойника, и притом печатать с такою скрупулезною точностью, что обозначают даже точками те места, где Григорьев ругается непечатными словами, если, говорю я, Григорьева признают, таким образом, великим вождем целого направления, - то, разумеется, мы имеем полное право принимать за наличную монету те суждения, которые этот вождь сам произносит о своем направлении. Кажется, господа почвенники, идеалисты и эстетики не могут упрекнуть нас в недостатке великодушия, если мы, вступая с ними в литературное состязание, будем опираться на авторитет того писателя, которому они поклоняются. Хорошо. Посмотрим же, что из этого маневра произойдет. - Спрашивается, верил ли сам Григорьев в победоносную силу тех идей, за которые он неутомимо боролся? Письма Григорьева, изданные г. Страховым², дают на этот основной вопрос совершенно отрицательный ответ. Григорьев любил свои идеи неистребимою любовью, он был им фанатически предан, он не мог им изменить, он боролся за них с мужеством отчаянья и в то же время он понимал с мучительною ясностью, что эти идеи отжили свой век, что у них нет будущего и что они вряд ли когда-нибудь воскреснут. Все письма его проникнуты глубоким унынием, вытекающим не из личных огорчений, а из страдания за умирающую идею. Как человек, который был "зрячее и чутче других", Григорьев понимал то, чего эти другие не понимали. Он видел ясно, что все бесполезно и что никакими медоточивыми речами невозможно увлечь отрезвляющееся общество в старую область эстетики и мистицизма. Когда *другие*, менее зрячие и чуткие люди стали издавать эстетико-мистический журнал с примесью планетных жителей и французских уголовных процессов³, тогда Григорьев не отказал им в своем содействии, но в душе его постоянно сохранялось то безотрадное убеждение, что